

Михаил Горбачев — «Газете»

«Нет ничего дороже здоровья людей»

В четверг первый и единственный президент СССР Михаил Сергеевич Горбачев будет отмечать 75-летие. А завтра в Московском международном доме музыки состоится благотворительный концерт звезд оперы и балета. Сбор от концерта будет перечислен в пользу Центра детской гематологии и трансплантологии имени Р.М. Горбачевой. Этот центр создается на базе Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени И.П. Павлова при участии Горбачева-Фонда.

Центр площадью 5500 кв. м должен стать крупнейшим в стране медицинским учреждением в области детской онкогематологии. Его строительство осуществлялось только на благотворительные пожертвования, а с 2005 года финансирование центра осуществляется в рамках федеральной адресной инвестиционной программы.

Незадолго до концерта Михаил Сергеевич встретился с группой журналистов и рассказал о центре, а также поделился своим мнением об актуальных политических вопросах. Корреспондент «Газеты» Ярослав Седов был единственным представителем печатных СМИ, которому довелось побывать на этой встрече.

Как возникла идея создания Центра детской гематологии и трансплантологии?

Идея пришла из Петербурга, когда там готовились к 300-летию города. Мы в фонде рассматривали разные заявки и увидели, что петербургский медицинский университет ставит вопрос о создании такого центра. У них есть профильное отделение, врачи которого прошли подготовку в Германии и овладели современными технологиями, но нужна была база. Я обратился к Александру Лебедеву, президенту Национального резервного банка, мы создали попечительский совет, объединили спонсоров. Администрация президента тоже подключилась. Так было и при строительстве аналогичного центра в Москве.

Недавно я принимал участие в благотворительной акции газеты Bild, участвовал в сборе средств вместе с Шэрон Стоун, Ритой Спрингер, другими знаменитостями. Собрали 7 млн. 700 тысяч евро на благотворительные цели. 500 тысяч организаторы передали нам. Фонд уже получил эту сумму. Здание построено, сейчас идет отделка. Там будет много уникального зарубежного оборудования.

В конце 2006 года центр собирается принять первых пациентов. Он рассчитан на 150 операций за год. Персонал наш, но работать будет в контакте с мировыми медицинскими центрами. Питерские коллеги обратились к нам с просьбой присвоить строящемуся центру имя Райсы Максимовны, поскольку она много лет занималась проблемами детского лейкоза и возглавляла ассоциацию «Гематологи мира — детям».

Во сколько обошелся этот проект?

2 млн. долларов стоило здание, 10 млн. — оборудование и еще 2,5 млн. нужно на лекарства, чтобы был запас на два года.

Вообще, я думаю, что для таких объектов и надо использовать стабфонд. Что может быть дороже здоровья людей? Но это же надо довести до ума... Я бы нынешнее правительство только за одно это... (машет рукой).

Вы считаете работу правительства неэффективной?

Скажут: «Горбачев распустился окончательно» (смеется). Я должен сказать, что президент Путин, проведя первый этап стабилизации, в своих выступлениях

по сути сформулировал новый курс: национальные проекты.

Он видит, что правительство делает недостаточно, выделил четыре генеральных проекта, создал совет. Получается: при существующем правительстве еще и создаешь совет и сам же его контролируешь. Разве ж это работа? И тем не менее я поддерживаю президента, позитив во всех его начинаниях перевешивает.

Каково ваше мнение о выступлениях президента Путина, о его лексике?

Знаете, когда такая ноша, как у него, когда общество надо и консолидировать, и спасать... Он старается, прошел большой путь. Когда на него свалилась эта должность, он и опыта не имел.

Я не верил, что из него получится президент, и не скрывал этого, я был за Примакова.

Но потом увидел, что это че-

В 1986 году нефть стала стоить 10–12 долларов. Мы потеряли две третьих валюты. А все это в планах было заложено. Какие страсти кипели на Политбюро!

ловек с амбициями. А без амбиций во власти делать нечего. И потом, мне кажется, многие иногда «наезжают», стараются разозлить, оглушить президента. И вот он, видимо, делает превентивные удары.

Мы скоро опубликуем книжку «Записи закрытых бесед»: выступления на Политбюро, встречи. И там вы увидите и не такие выражения. Многое пришлось убрать, многое и осталось.

В таком случае еще о политике: как вы оцениваете приглашение в Москву лидеров ХАМАС?

Все правильно сделано. Рафинированные демократы, которые предлагают демократию продвигать любыми способами, после чистых выборов с явкой почти под сто процентов теперь возражают? Народ проголосовал. И вдруг ему плюнуть в душу, сказать: «Вы не того избрали»? Народ, оказывается, не гонимый!

Такая сложная и закрученная история, столько лет идет эта борьба. ХАМАС — острое политическое движение, движение радикальное. Но оно получило мандат и должно формировать правительство, понимая, что невозможно отменить волю Объединенных Наций, высказанную еще в 1947 году.

Фотограф: Максим Конев / Газета

А это значит, что им придется менять свои подходы, — это и есть политика. Пусть меняют. И они должны заявить, что признают за Израилем все права, которые признаны ООН.

Участвуя в разрешении региональных конфликтов, часто хотят поддержать победителя. Но в подобных конфликтах победителя быть не может. Здесь необходим компромисс — другого выхода нет. «Другое» — это продолжение кровопролития.

Что вы думаете о скандале с карикатурами и проблемах исламского мира?

Это была ошибка, надо так прямо и сказать. Необходимо уважать веру, культуру, человеческие ценности.

Исламский мир сейчас в непростом состоянии, я об этом говорю последние полтора года. В прошлом году выступал на эту

тему в Вашингтоне. Мы не смогли бы двинуться по пути ликвидации «холодной войны» и налаживания отношений с США, если бы не развернули свои мозги и не поняли, в какое время живем.

Но после этого уже произошло столько — появились новые центры, которые оказывают влияние на весь мир: Китай, Бразилия, Индия. Нужно все это осмыслить.

Исламский мир считает себя униженным, что их чуть ли не всех в террористы записали. Они начинают вспоминать, что в Средние века исламский мир возглавлял прогресс. Философия, искусство, медицина — все шло оттуда. И почему это вдруг сейчас их считают неполноценными? Это их задевает, они реагируют.

Я против того, чтобы громили, разрушали, — это не метод. Но то, что надо уважать чужую культуру — очевидно. Иначе нельзя жить в мире.

Что вы думаете о политике нашего государства в области образования и культуры?

То, что президент одним из приоритетов сделал образование, — это правильно. Я встретился с ним дважды или трижды по этому вопросу. Я и писал об этом, и выступал. Вплоть до того, что сказал: «Если учителя пойдут против этих дурацких

экспериментов, я буду нести транспарант вместе с ними».

Мы держимся тем, что нам оставила советская власть. Тогда было просто: каждая семья, независимо от дохода, имела возможность дать образование своим детям. А дальше уж пусть они сами пробиваются. То же самое с медициной: хоть какие-то гарантии государство давало. И тут начали вводить полуплатное образование.

Подобные вопросы надо решать всем обществом. Некоторая часть наших людей, как говорят «продвинутая», учит своих детей где-то в частных школах. Но это ничтожная часть. А как себя чувствует основная масса родителей с мизерными доходами? А как себя чувствует учитель? Абсолютно неприемлемо, что зарплата учителя составляет половину средней зарплаты в стране.

Когда мы начали перестройку, врачам и учителям выплатили сразу соответственно 3 млрд. и 6 млрд. Сейчас мы стремимся к образованному обществу. Поэтому школа должна быть доступна, а учитель обеспечен, необходимо современное техническое оснащение школ и вузов, книги... И для этого необходимо сделать все возможное и невозможное.

А у нас хитрят: платные гимназии... Но туда пойдут учиться те, у кого есть деньги, а большинство истинных талантов окажется совсем в другом секторе. Мне очень нравится позиция ректоров университетов, которые решительно против такого подхода к образовательной системе.

Удается ли вам отвлекаться от политики?

Политика — это моя жизнь. Я в ней практически с университетской скамьи. Через семь дней работы в прокуратуре Ставропольского края меня призвали в молодежную политику.

Ну, семь дней — срок большой. Господь за это время сделал все. А я только начал стажировку (улыбается). Через 15 лет стал первым секретарем Ставропольского крайкома партии, членом ЦК и депутатом Верховного Совета. А еще через 10 лет Брежнев пригласил меня в Москву. Семь лет я работал с Брежневым, Андроповым, Черненко. Прошел все, что можно было. В прошлом году отметил 50 лет только в официальной политике.

А вообще-то политика моя началась с десятого класса, когда избирали секретарей комсомольских организаций. Это было в средней школе нашего района, 7 человек выдвинули от каждого поселка; меня — от села Привольное.

Идет голосование, каждый встает, представляется, что-то говорит. Я встал, сказал, а когда сел — стул из-под меня убрали, я и грохнулся. Хохот, удовольствие всем. После этого — тайное голосование. Избрали меня. Вот так началась моя политика.

По прошествии лет ваш взгляд на необходимость проведения перестройки не изменился?

Нет, конечно. Абсолютно. Как ни старались противники из консервативной части, нам удалось довести перестройку до того пункта, из которого возврата в про-

шное уже не будет. Значит, историческая задача решена.

Но если бы этот перестроечный проект продолжал осуществляться, он шел бы по другому сценарию. Постепенное эволюционное накопление опыта, инфраструктуры рыночной экономики и демократии, создание правовой базы. Для этого понадобилось бы 25–30 лет, я думаю.

И это накопление шло. Мы начинали — закон об аренде, закон о собственности, закон о свободе слова, о печати... Надо было двигаться дальше.

И вторая часть — сохранение Союза. Реформирование, децентрализация, демократизация, но сохранение!

Кстати, идею придумал не «кто-то». Почитайте Конституцию, хоть сталинскую, хоть брежневскую. Там написано, что союзные республики являются суверенными государствами, обладают правом на выход и так далее.

В Конституции писали, но на деле этого не было. Вот мы только это и должны были сделать. Тем более что государства сложились, сформировались элиты, децентрализация «стучалась». А Борис Николаевич решил просто «сбросим» республики, и через программу «500 дней» Россия войдет в царствие небесное. А через четыре года будет самой процветающей в мире.

Надо было взять из оборонного сектора 15 миллиардов долларов, и мы бы сняли груз, который висел над рынком. Но мы были так воспитаны, что если кто поднимал руку против «оборонки» — его через некоторое время убирали из Политбюро.

Но что такое из 106 миллиардов — 15? Да ничего! Можно было придержать закон о пенсиях, он стоил 45 млрд., просто отложить на год...

В 1986 году нефть стала стоить 10–12 долларов. Мы потеряли две третьих валюты. А все это в планах было заложено. Какие страсти кипели на Политбюро! Я понимал, что прав секретарь по экономике Николай Слюнсков, но не поддержал его. Потому что с другой стороны был Рыжков.

А народ поддержал авантюры Бориса. Ну что такое? Ничего не получается. А он призывает: 100 миллиардов отдаем республикам! Вернуть их России — и заживем! Ну, такой базар! Это ж разве политика?

Можно и нужно было сохранить Союз, если двигаться не наскоком, не ковбойщиной, а поступательно проводить реформы. По темпам — это реформы, а ведь по глубине — революция, смена системы.

Но номенклатура не выдержала испытания демократией. Она привыкла получать указания и во все не была заинтересована в демократии. У нее-то уже был коммунизм. Я с этим не был согласен. Однако мы задали такой темп преобразований, что общество не смогло успеть их переварить.

Скоро должна выйти книжка, которую я написал под впечатлением встреч в связи с 20-летием перестройки. Как же мы были самонадеянны, что думали тогда: сказал — и все с ходу поймут! И сейчас треть еще не понимает. И я написал книгу «Понять перестройку». Потому что это надо сейчас.